

ЗАМКИ ЗАКАРПАТЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV вв.

Игорь Прохненко
Мария Жиленко
Виталий Калиниченко

Ключевые слова: Северо-Восточная Венгрия, Закарпатье, укрепленные поселения, замки, фортификации, башни, каменные стены, Средневековье.

Средневековое Венгерское королевство находилось на стыке двух культур. На восточных и южных рубежах страны обрывалась территория западного христианства: пересекающие границу люди оказывались на землях христиан восточного обряда или язычников. С одной стороны, это создавало иллюзию постоянной опасности, а с другой – для формировавшегося именно в этом районе государства такое геополитическое расположение было естественным. Арпадовичи поддерживали дипломатические отношения не только с западными, но и с восточными соседями: династические браки заключались как с наследниками католических монархов, так и со «схизматиками», и даже куманами. В это же время принадлежность к одной конфессии не всегда гарантировала мир на западных рубежах державы, а венгерские короли неоднократно оказывались участниками борьбы за австрийские, немецкие земли, поддерживая того или иного претендента на власть (Csukovits 2012, 17-18).

Вопрос об эволюции укреплений является одним из основных в общественно-политической истории средневекового Венгерского королевства. Изучение процесса развития архитектурных особенностей, права собственности, функционального назначения невозможно без многопрофильного, системного исследования. Нельзя обойти вниманием и переломные моменты, присутствовавшие в фортификационном деле страны в период средневековья. Они возникали в результате социальных трансформаций, военных потрясений, смены династий и связанных с ними

нововведений. Чтобы определить характер этих изменений, необходимо рассмотреть традиции замкового строительства эпохи Арпадовичей и начала правления Анжу, систематизировать данные об укреплениях исследуемого региона.

Первые сложности возникают уже при определении самого термина «замок». Несмотря на то, что в средневековых документах для его обозначения слово «castrum» встречается наиболее часто, относительно замков использовались также названия *civitas*, *castellum*, *fortalitiu*, *munitio* и даже *propugnaculum*. И наоборот, в отдельных случаях замки с археологически хорошо прослеженной системой обороны в грамотах фигурируют просто как *refugium*, то есть убежище, или *turris*, башня. Иштван Фелд приводит около десяти укреплений, которые уже с 1200-х гг. фигурируют в источниках именно как *castellum* (Feld 2014, 374), хотя в историографии довольно распространено мнение об их появлении только во время правления Сигизмунда.

За таким разнообразием названий, кроме собственно характера и внешнего вида укреплений, могут стоять самые разные причины. При исследовании данной проблематики Рихард Горват удачно отметил, что в средневековье понятие «замок» или «дворец» получило широкое смысловое наполнение. На терминологию дарственных грамот, документов могут влиять такие факторы, как, например, место их собственника в общественной иерархии, отношение к нему со стороны окружающей шляхты, политические цели возведения, присутствие или отсутствие определенных элементов укреплений (Horváth 2009, 65-76).

Фортификационное дело Венгерского королевства от основания государства до XIV в. можем условно разделить на два этапа.

Первый – это XI-XIII вв., характерной особенностью которого было появление административного деления, образование королевских комитатов с жупанатскими укреплениями в основе. «Замки» эпохи ранних Арпадовичей стали местами административного и военного управления новообразованных территориальных единиц, королевских комитатов (лат. *comitatus*, венг. *vármegye*). Во главе них стояли назначенные королем из круга своих доверенных людей жупаны (лат. *comes*). Для возведения подобных укреплений выбирали невысокие (20-30 м) холмы или склоны гор, заметно доминировавшие над местностью, по возможности возле водных артерий или на пересечении торговых путей. Некоторые стратегически важные места уже использовались в древности для возведения городищ. В таком случае их системы защиты просто реанимировали. И всё же наиболее часто строились новые фортификации с земляными валами разных конструкций, высота которых достигала иногда 9 м, а ширина превышала 20 м. Территория таких укреплений была сравнительно значительной, составляла от 0,75 до 8,7 га (Szendre 2013, 128-129).

Центры комитатов, хотя в основном без каменных стен, были наиболее мощными постройками того времени. Они были способны разместить не только гарнизон, но и достаточно запасов продовольствия для преодоления длительной осады. Но не нужно представлять эти укрепления как типичные казармы. Замковые люди, воины гарнизона, население, обслуживающее укрепления, проживали преимущественно на ближайших поселениях. Земли королевских хозяйств, обеспечивающие содержание этих пунктов, были расположены в их округе, хотя и не всегда единым массивом (Tringli 2009, 489-490). Жилые и хозяйственные помещения находились как внутри, так и за пределами стен. То есть они не только обеспечивали защитную функцию, но постепенно становились ядром средневекового города, а часто ещё и центром диоцезии (Szendre 2013, 129-131).

Несовершенство и застаревший характер системы обороны земляных укреплений стали очевидными в середине XIII в. Именно тогда их доминирующая часть была захвачена и разрушена татарами. Хотя с появлением новых фортификационных технологий

некоторые пункты были усилены каменными стенами, большее их количество после монголо-татарского нашествия окончательно пришло в упадок. Способствовали данному процессу и изменения в административной и военной организации страны. Королевские комитаты постепенно трансформировались в дворянские, а вместе с этим эволюционировала и структура защиты королевства. В случае военных действий выступали уже подразделения под командованием дворянства, соответственно укрепления комитатов в качестве милитарных центров оказались лишними. Одновременно с этим возрастает роль городов, привилегии большинства из которых содержали обязательства в случае конфликтов обеспечить определённое количество воинов лёгким и тяжёлым вооружением. Таким образом, исчезла как необходимость постоянного содержания вооружённого войска, так и его материальная составляющая. Земли, относившиеся ранее к единому королевскому хозяйственному управлению, постепенно перешли в частную собственность, иногда вместе с укреплениями или разрешением на их возведение.

В историографии, посвящённой средневековому замковому строительству Венгерского королевства, общепринято с XIII в. употреблять термин «замок нового типа» или «классический замок». Здесь подразумеваем небольшие по размеру укрепления, территория которых не превышала 30×40 м, а систему обороны, вместо типичных ранее земляных валов, чаще всего формировал всего один ряд узких стен. Такие фортификации строились уже в конце XII - начале XIII вв., но массово распространились они только со второй половины столетия, в рамках «программы замкового строительства» короля Бела IV (Feld 2017, 380).

Закономерно возникает вопрос: чем принципиально новые замки отличались от укреплений предыдущих периодов, кроме размеров и строительных материалов? Абсолютно чёткий ответ сформулировал Пал Энгел, считавший, что для них качественные и правовые изменения зафиксированы в период, когда, вместо просто составляющих доминий, они стали центрами их управления (*caput domini*). А наиболее яркий признак рубежа XIII в. он увидел в массовом появлении возведённых

частными лицами на своих землях замков, которые вписывались в уже совершенно иную правовую систему (Engel 1987, 11-12).

Важным остаётся вопрос о целевом назначении таких замков. Для постоянного проживания, вероятно, служили те, которые находились в пределах или возле населённых пунктов (например, давшие название роду городские укрепления олигархов Кёсеги). В то же время представляется маловероятным, чтобы благородные семьи могли длительное время находиться в укреплениях, расположенных на высоких скалах или посреди болот. В такие замки владельцы заселялись исключительно в случае опасности, а постоянно проживали здесь лишь каштелян с небольшой охраной. По мнению Иштвана Фелда, именно этим объясняется незначительное количество венгерских родов, получивших фамилии от названия того или иного замка. Исследователь обратил внимание и на тот факт, что полученные во время археологических раскопок предметы не дают однозначного ответа на вопрос о целевом использовании. Они могли принадлежать как владельцам укреплений, так и каштелянам, которые преимущественно также были благородного происхождения (Feld 2014, 362-363; Feld 2017, 383). Даже в случае с замками значительных размеров, с хорошо археологически прослеженными признаками ведения интенсивной хозяйственной деятельности, можем лишь предполагать, что их собственники, если и не проживали здесь постоянно, то проводили довольно много времени. В отдельных случаях это подтверждается или опровергается благодаря архивным документам.

«Частные» укрепления в Венгрии, как мы уже упомянули, возникли ещё до монголо-татарского нашествия. Их количество невелико, а об их статусе, исходя из незначительного архивного и ещё более мизерного достоверного археологического материала, можем приводить лишь косвенные соображения. По мнению Гергеля Толнаи, небольшие частные фортификации под угрозой прихода татар были покинуты их владельцами. А так как, соответственно, они не сопротивлялись, то и следы разрушений здесь не зафиксированы (Tolnai 2007, 24). Следовательно, они не фигурируют и в источниках о событиях 1241-1242 гг.

Рихард Горват насчитал для первой половины XIII в. около десяти замков, пребывание которых не во владении короля подтверждено документально. Однако, лишь за исключением двух, речь идёт о церковной собственности (Horváth 2011, 86-89). Неоспоримым остаётся тот факт, что в случае, когда укрепления возводились не за указанием короля, для строительства нужно было получить его согласие.

Впервые на проблему разрешений для строительства обратил внимание Эрик Фюгеди. Ему удалось собрать и проанализировать 33 таких документа. При изучении дарственных грамот исследователь обратил внимание на тот факт, что основной их целью было награждение, выделение получавшего привилегии из общей массы населения. То есть даже при возведении частных замков доминировала воля короля, а не желание собственника земель (Fügedi 1977, 10-11). Редко всё-таки случалось, что разрешения выдавались по просьбе шляхтичей, а основной аргументацией было стремление иметь «соответствующее статусу жильё».

До 1260-х гг. в Венгерском королевстве не существовало укреплений, возведённых без ведома и прямого указания монарха. Ситуация кардинально поменялась в последние десятилетия XIII в., когда, несмотря на формальное право короля выдавать разрешения, массово появлялись замки, построенные без согласия правителей, но легализованные постфактум. По мнению исследователя Рихарда Горвата, косвенным доказательством этого может быть тот факт, что в документах периода борьбы за венгерский трон начала XIV в. массово появляются названия укреплений, большая часть которых была возведена однозначно не в годы войны, а в предыдущие десятилетия непокорными олигархами (Horváth 2011, 93).

Созданная Анжу модель правления базировалась на централизации власти и концентрации основной массы земель в руках монарха. Более половины замков Венгерского королевства также стали *castrum regale*, собственностью короля (по разным подсчётам речь идёт о примерно 150 укреплениях), управляемых назначенными монархом доверенными людьми, каштелянами (Engel 1981, 2). Доля

частных укреплений существенно уменьшилась, на конец правления Карла Роберта даже самые влиятельные роды в своём владении имели максимум семь замков.

Подданные за верную службу получали владения *pro honore*, то есть их нельзя было продавать, закладывать, передавать в наследство, но в то же время «награждённые» таким образом бароны полностью пользовались прибылью от них. Ярким примером могут быть те же Друтеты, сконцентрировавшие в своих руках управление над девятью комитатами Северо-Восточной Венгрии и получавшие выгоды от дюжины королевских замков вместе с доминиями (Feld 2017, 385).

Система гонора одновременно легла в основу военной организации, поскольку бароны, в зависимости от размеров полученных владений, должны были обеспечить определённое количество вооружённых людей для королевских бандерий. После тяжёлой победы Карла Роберта над олигархическими кланами логичным шагом была бы ревизия и разрушение незаконно возведённых фортификаций, ограничивающих власть короля на определённых территориях, однако их судьба не всегда настолько однозначна. Часть из них действительно была оставлена хозяевами, что чётко прослеживается и по археологическим материалам. Объяснение этому чрезвычайно простое: после 1321 г. вместе с укреплением позиций короля необходимость содержать частные замки просто исчезла, а существенные затраты на них стали неоправданными.

Другие просуществовали ещё несколько веков, как минимум до нашествия турок. Захваченные в тяжёлых боях частные укрепления были конфискованы королём и стали форпостами его власти. Право на возведение новых выдавалось только в исключительных случаях, а уже существующие иногда дарились сторонникам короля.

Во время правления династии Анжу понятие «замок» окончательно стало синонимом понятия «политическая власть». Новые крепости в этот период строили преимущественно там, где в ближайшей округе до сих пор не было королевских замков. Пограничные зоны, малооселённые так называемые «лесные комитаты», на рубеже XIII-XIV вв. постепенно вошли в административную систему королевства, а построенные новые замки стали их центрами.

В историографии, посвящённой военному зодчеству Закарпатья эпохи средневековья и раннего нового времени, зафиксировано более двух десятков замков. После исключения из общего списка недостоверных памятников, к достоверным, а в отдельных случаях тоже с оговоркой, можно отнести Броньку (Царская гора), Виноградово (Канков), Квасово, Королёво (Нялаб), Мукачево (Паланок), Невицкое, Сильце (Бодулив), Среднее, Ужгород и Хуст. Расположение этих укрепленных пунктов определено предгорьями Карпат и главными водными артериями края (рис. 1). Время возникновения большинства из них, как правило, без необходимой аргументации, в научной литературе определяется IX-X вв. в качестве городищ. Также указывается, что с возведением каменных стен в X-XI вв. они стали замками. Такая датировка ключевых памятников не согласуется со временем образования подобных каменных фортификаций в северо-восточной части Карпато-Дунайского ареала, ранний этап которых связан с послетатарским временем, а более конкретно с концом XIII - первой половиной XIV вв. (Прохненко, Гомоляк 2009, 71-97).

В этой ситуации, для решения вопросов хронологии, в частности, для установления времени возведения замков Закарпатья, возникла необходимость в критическом анализе свидетельств письменных источников и обращении большего внимания на археологические данные. Такое положение вещей определило направленность работы организованного в 2007 году средневекового отряда археологической экспедиции Ужгородского национального университета, сконцентрированную на изучении тех замков, которые до того не имели конкретного археологического материала. Это касается Виноградова, Королёва, Броньки, Среднего, Сильца, Квасова и Хуста. Также незначительные работы были проведены на площади, прилегающей к укрепленному дворцу в Чинадиево, который в научной литературе причислен к категории замков. Основная цель первого этапа исследований – создание стратиграфических колонок и установление на их основании реальной хронологии памятников.

В результате работы университетские археологи пересмотрели значительное количество укоренившихся в научной литературе утверж-

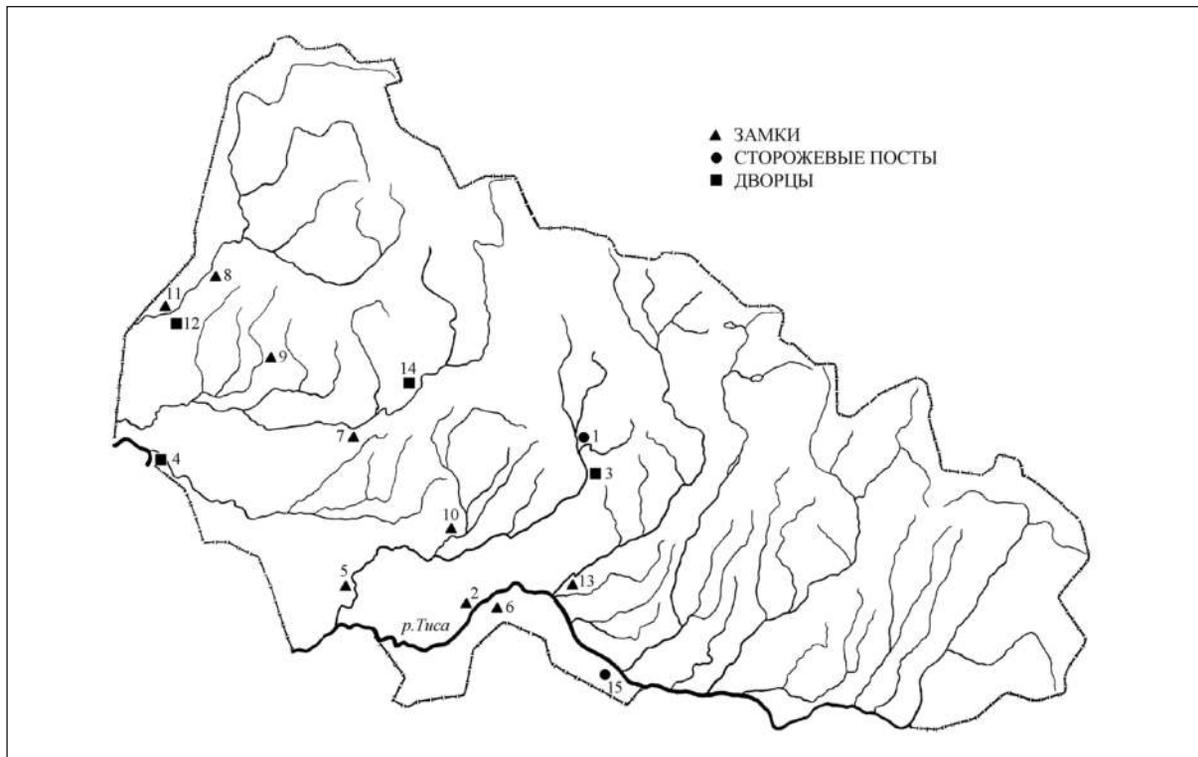

Рис. 1. Карта расположения замков, сторожевых постов и дворцов на территории Закарпатской обл. Украины. 1 - Бронька; 2 - Виноградово; 3 - Довге; 4 - Эсень; 5 - Квасово; 6 - Королёво; 7 - Мукачево; 8 - Невицкое; 9 - Среднее; 10 - Сильце; 11 - Ужгород; 12 - Горяны; 13 - Хуст; 14 - Чинадиево; 15 - Вышково.

дений. Была опровергнута информация о том, что почти все замки региона возведены на территории уже существовавших славянских городищ VIII-IX вв. Более того, в ходе широких поисков не обнаружено ни одно из таких городищ. И, соответственно, по имеющимся на сегодняшний день материалам вообще отвергнуто предположение о существовании местного государственного образования во главе с князем Лаборцем. Не нашло подтверждения и предположение о приходе в регион Верхнего Потисья в конце IX в. венгров вождя Алмоша, которые как будто захватили эти укрепления. А именно такое мнение, основанное на данных анонимного нотариалия короля Бела III, крепко укоренилось на страницах научной периодики и в сознании граждан.

Картина развития земель Верхнего Потисья была значительно искажена совместными усилиями отечественных и зарубежных историков. Это нашло отражение не только в формировании легенд о княжестве Лаборца, о переходе венгров Алмоша через Верецкий перевал, а и в «заполнении фактами» ситуации в регионе с X в. и до времени постройки первых зам-

ков. Один из ярких примеров – история укреплений в Среднем, которые продолжительное время связывались с тамплиерами XII в., хотя реально возведены минимум на 400 лет позже, лишь в первой половине XVI в.

Затратив значительное количество времени, усилий и ресурсов на очистку местной истории от мифодизайна, экспедиция Ужгородского национального университета смогла собрать базу данных, необходимую для анализа раннего этапа строительства замков Закарпаття. На сегодняшний день можно говорить о его начале не ранее второй половины XIII в., и к тому же отметить не очень активный характер данного процесса. По чётким археологическим материалам это всего три пункта: Бронька, Вышково и Сильце. Причём на первом обнаружены лишь незначительные каменные сооружения, на втором, который структурно близок к предыдущему, они просто отсутствуют, а на третьем признаки эксплуатации вообще не фиксируются.

Броньковский замок, находящийся в Иршавском районе, университетские археологи исследовали весной 2008 года. Памятник

расположен на вершине крутой скалистой горы, называемой местным населением Царской (рис. 2). Она прикрывает вход в боковое ущелье горного массива, окружающего удобную для поселения долину р. Бронька. Речка, оставляя узкий проход в виде дороги, огибает гору с трёх сторон.

Замок возведён на площадке почти овальной в плане формы, с незначительным отклонением ориентированной по линии запад-восток. Размеры плато (35×14 м) ограничили и замковую площадь (рис. 2). Она, в комплексе с особенностями расположения, а именно отличным обзором местности и, главное, отсутствием удобного подъёма, позволяет говорить об основном функциональном назначении пункта как дозорного. В связи с этим уже само включение памятника в категорию замков довольно условное.

Упоминания об этих укреплениях в письменных источниках появляются со второй половины XIII в. Король Ласло V в своей грамоте от 23 мая 1273 г. пишет о принятии ко двору магистра Петра из рода Чак за участие в отвоёвывании Броньковского замка. Грамота связана с событиями десятилетней давности, когда во время военного конфликта между Белой IV и младшим королём Иштваном V одно из столкновений происходило под стенами этой крепости (Fügedi 1977, 104).

Следующее упоминание о Броньковских укреплениях датировано 1290 г. Король Андрей III приказал Мигалю Убулфи держать оборону замка до его прибытия (Codex 1829, 458). Исследователи считают, что такое поручение может быть связано с проникновением весной 1290 г. на территорию Венгрии из Польши самозванца, выдававшего себя за принца Андрея, брата короля Ласло IV.

В документе 1321 г. уже упоминаются только руины замка. Точно не известно, что привело к упадку крепости. По мнению одних учёных она попала под § 24 королевского закона 1291 г. об укреплениях грабителей (Györfy 1987, 530), по предположению других – её разрушили согласно с условиями мирного договора между Андреем III и Альбертом Габсбургом 1291 г. (Kristó 1986, 152). Однако Броньку могли уничтожить во время любого другого эпизода гражданских войн рубежа веков.

Замковые постройки представлены двумя каменными сооружениями, которые местами выделяются над современной поверхностью. Первая – округлая в плане башня (внешний диаметр – 7,8 м, толщина стены – 1 м), построена в восточной части площадки. Она защищала сложный, но наиболее доступный подход к вершине. Южная часть стены граничит со скалой высотой 3 м, в основании которой находится искусственная пещера для хранения провианта.

Вторая постройка прямоугольной в плане формы. Расположена она в западной части плато. Её размеры – 13,6×7,6 м, толщина стен – 1 м. У основания северной стены начинается крутой склон (45°), между северной стеной и похожим склоном – небольшая сравнительно горизонтальная площадка (возможно, для входа в сооружение). Западная стена граничит с вертикальными скальными выступами (рис. 2).

Свидетельства местного населения и визуальный осмотр памятника позволили констатировать уничтожение значительной площади замка кладоискателями. Во многих местах в результате их деятельности перемещён культурный слой, часто даже до скального основания. С учётом данной ситуации два раскопа заложены в сравнительно сохранившихся зонах (Прохненко, Гомоляк, Мойжес 2008, 139-148; Prohnenko, Zsilenko 2016, 77-79).

Площадь раскопа I (6,0×5,6 м) ограничена стенами прямоугольной постройки. Участок характеризуется полным отсутствием культурного слоя (лишь листья и переплетённые корни, достигающие глубины от 0,1 до 0,5 м) на примыкающих к южной стенке квадратах, что связываем с действиями «чёрных археологов». В ходе раскопок северных квадратов под верхним зафиксирован слой тёмной гумусированной глины, мощностью до 0,5 м. Ниже него, до материка, залегала жёлтая глина с вкраплениями извести. Мощность и этого слоя до 0,5 м. Материк представлен выступающими скалами, что свидетельствует о спешке при возведении замка, для которого даже не была подготовлена площадка – основание для фортификационных объектов. Между скальными западинами, в нижней части слоя жёлтой глины, обнаружены три боковых фрагмента лепной керамики, не подлежащие

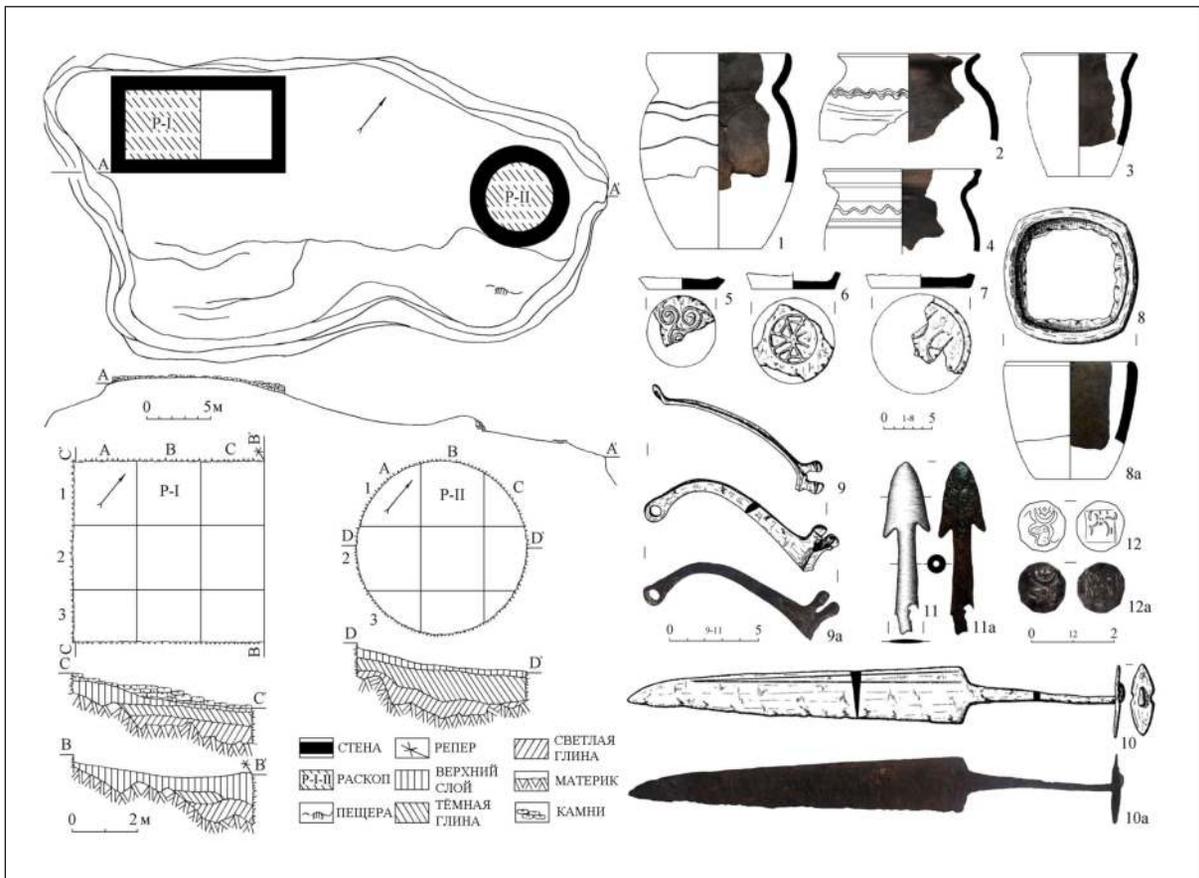

Рис. 2. Бронька. Царская Гора. План и инвентарь замка.

точному хронологическому определению. По морфологии глиняного теста их можно датировать III-II тыс. до н.э.

В верхней части этого слоя и в заполнении тёмной глины зафиксировано значительное количество культурных остатков: керамика, индивидуальные находки, кости. Залегание слоёв на площади раскопа нарушено. Как следствие, материал разных хронологических горизонтов перемешан, что не позволяет изучить стратиграфию памятника. В этой ситуации возможно лишь выделение из общей коллекции групп материала, определяющих конкретные временные периоды.

Раскоп II заложен в восточной башне. Последовательность залегания слоёв аналогична прослеженной на раскопе I: верхний – тёмная гумусированная глина (мощность до 1 м), нижний – жёлтая глина (мощность – 0,4 м), материковое основание – остро выступающие скалы. В заполнении обнаружены всего два боковых фрагмента гончарных горшков.

Характер культурного слоя стал основанием для определения восточной башни как дозорной, постройки прямоугольной формы – как жилого помещения замка. Анализ материала позволил установить этапы заселения. Начальный горизонт связан с населением края медно-бронзовой эпохи, использовавшим вершину в качестве убежища. Возведение укреплений из подручного строительного материала, причём поспешное, определяется второй половиной XIII в. Основной зафиксированный на памятнике горизонт проживания непродолжительный (до начала XIV в.) (рис. 2). Среди индивидуальных находок доминируют ножи, включая боевые, и бруски для их заточки. Особый интерес представляет целый экземпляр боевого назначения. Его общая длина – 27,5 см, длина лезвия – 19 см. На клинке прослежены две сходящиеся к острию канавки. Черен фиксировался пластиной острой овальной формы. Лезвие ножа относительно повреждённое, черен рукояти чуть деформирован, что, очевидно, связано с частым его использованием в военных действиях. Рассмотрение аналогий этого боевого ножа свидетельствует о нечастом распространении подобных находок на территории Центрально-Восточной Европы. Конструктивно-морфологические параметры охватывают значительный период бытования ножей

подобного типа в XIII-XVI вв. Но сама форма широкого лезвия и тыльник рукояти позволяют датировать броньковский экземпляр концом XIII в. Уже в первой половине XIV в. технологические усовершенствования приводят к значительному изменению внешнего вида данного оружия ближнего боя. Лезвие становится более длинным и узким, рукоять орнаментируется более эстетически. Аналогии находке известны на территории Чехии (Темпльштейн, Роштина, Козлова, Орлика), Польши и Венгрии.

Также в материалах исследования Броньки представлены тигель для выплавки цветных металлов, фрагмент шпоры, крючок и гвозди. Для датировки горизонта особенно важна находка шпоры. Сохранилось одно плечико, в верхней части два выступа для крепления зубчатого колёсика-звёздочки. В противоположной части, на окончании – круглое отверстие для крепления к обуви. Высота плечика – 9,7 см. Шпоры данного типа были широко распространены в комплексе экипировки конного воина в XIII-XV вв. и хорошо известны на памятниках этого времени в Центрально-Восточной Европе. Они обусловили реальную эволюцию в управлении конём, не травмируя его. Это нововведение заключалось именно в появлении колёсика на шпоре со звёздочкой вместо шипов. Броньковский экземпляр по видовым характеристикам можно датировать второй половиной XIII - началом XIV в.

Насельники замка занимались охотой и рыболовством, что подтверждается анализом обнаруженного остеологического материала. Определение костей животных свидетельствует об охоте жителей замка на кабанов, косуль, оленей и волков и развитии животноводства, а именно разведении свиней и крупного рогатого скота.

Незначительное количество керамики связано с XV в. Скорее всего, в этот период главная функция замка – убежище. Основные материалы исследований подтвердили отмеченную в научной литературе дату возведения замка (вторая половина XIII в.).

Структурно похоже на Броньковское местонахождение на горе Варгедь возле посёлка Вышково (рис. 3). Его история тоже чётко отражена в письменных источниках. В 1274 г. тогда ещё угочанский городок король Иштван V подарил представителям рода Гонтпаз-

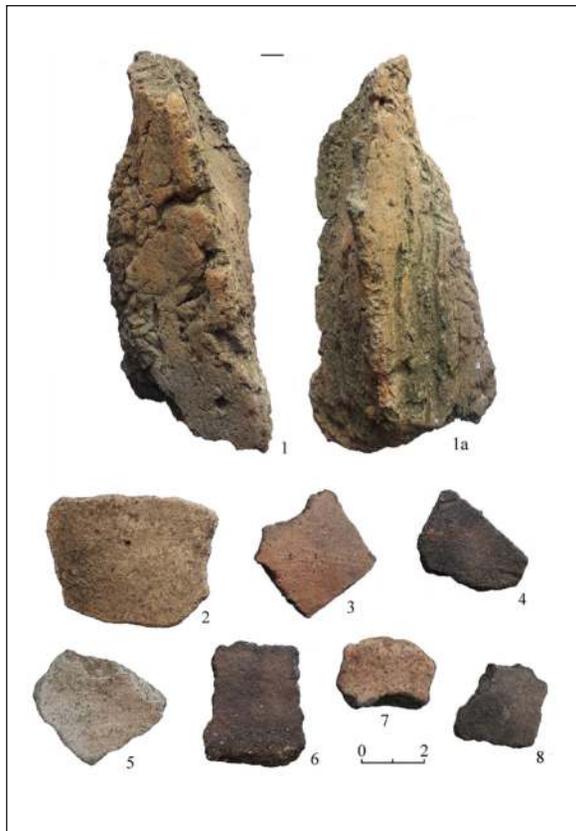
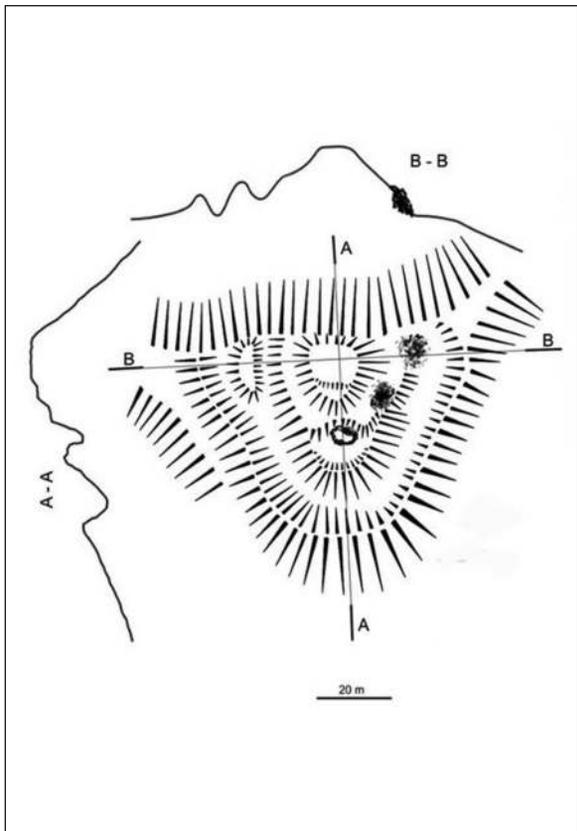

Рис. 3. Вышково. Варгедь. План укрепления. Керамика.

мань, Микову и Чепану, вместе с таможенным постом. Дарственную грамоту в 1281 г. подтвердил и Ласло Кун. Братья, скорее всего, в последние десятилетия XIII в. и возвели здесь укрепления. Первое упоминание о нём датировано 1299 г., когда король Андрей III «вернул замок братьям и оставил за ними право владения». Уже в следующем 1300 году Андрей III забрал замок у братьев, получивших взамен несколько населённых пунктов на территории Угочанщины: Чернописово, Рокосово и Ниртелек. В этот же период поселение вместе с замком перешло к Мараморошу. Однако укрепления просуществовали недолго, и с первой половины XIV в. в источниках они уже не фигурируют. Наиболее вероятно, что именно в это время началось строительство другой крепости – Хустского замка, перенявшего на себя функцию защиты мараморошского соляного пути и ставшего центром королевского комитета.

Учёные Ужгородского национального университета осмотрели местонахождение и установили ещё большую условность отнесения данного пункта к категории замков, чем в случае с Бронькой. Следов каменных фортификаций на вершине горы Варгедь не обнаружено, что позволило предположить их возведение из дерева (рис. 3). Площадь памятника и отсутствие удобного подъёма послужили основанием для определения его как дозорного, а письменные источники свидетельствуют и о репрезентативной функции вышковских укреплений.

В отличие от двух предыдущих, о Силецком (Иршавском) замке в письменных источниках вообще не сохранилось ни одного упоминания. Вероятно, его построили местные феодалы, представители рода Илошвай. Руины укреплений были разобраны в XIX в. для возведения новой церкви Иршавы (Lehoczky 1996, 529-532).

Фундаменты построек находятся на северной окраине с. Сильце (Иршавский р-н), на вершине горы Бодулив (рис. 4). С северной и северо-западной сторон подножье горы было заболоченным. С северо-восточной, на расстоянии 200 м от подножья, течёт р. Иршавка, впадающая невдалеке в р. Боржаву. Восточный и северо-западные склоны горы крутые, юго-западный – пологий. План замка определяется по остаткам его каменного фунда-

мента квадратной конфигурации, размером 32×32 м. С северной и южной сторон местонахождение дополнительно защищено проложенными вдоль стен рвами и валами (рис. 4).

Впервые памятник исследовала археологическая экспедиция под руководством С.И. Пеняка в 1981 г. На основании собранного керамического материала было выделено три культурно-хронологических горизонта (III-II вв. до н.э., X-XI вв. и XIII-XIV вв.). В 1991 г. работы на горе Бодулив возобновил А.В. Дзембас. Он обнаружил незначительное количество фрагментарной керамики, определённой гальштатским периодом и эпохой средневековья (X-XI вв.). Мизерный материал, полученный при исследовании Бодулива, заставил опять обратить внимание на этот пункт экспедицию Ужгородского национального университета. Для получения дополнительных данных были заложены раскоп и два шурфа на ограниченном каменным фундаментом участке (Прохненко, Гомоляк, Зомбор 2010, 346-348).

Раскоп I, площадью 4×6 м, привязан к северо-западному углу разрушенного сооружения. Верхний слой (0,4 м) состоит из завалов камней, образовавшихся при разборке стен местными жителями. Под ним, до материка, залегают культурный слой мощностью до 0,8 м. В его заполнении – незначительное количество лепной гальштатской и гончарной средневековой керамики.

Аналогичная ситуация прослежена и в шурфах. Единственный объект – очаг, обнаруженный в шурфе 1. В плане он округлой формы, диаметром 1 м и глубиной 0,2 м. В заполнении – уголь и кости животных. Рядом с очагом находились фрагменты средневековых горшков. В шурфе 2, кроме обломков посуды, под завалами камней найдена часть керамической курительной трубки XVIII в. Эта находка, характер завалов и название горы среди местного населения как «каменоломни» свидетельствуют о разборке стен замка на строительные материалы в новое и новейшее время. Полученный в ходе исследования керамический материал (рис. 4) позволяет определить время строительства замка второй половиной XIII в.

В завершение описания укрепленных пунктов Закарпатья второй половины XIII в. отметим их незначительную площадь, слабонасыщен-

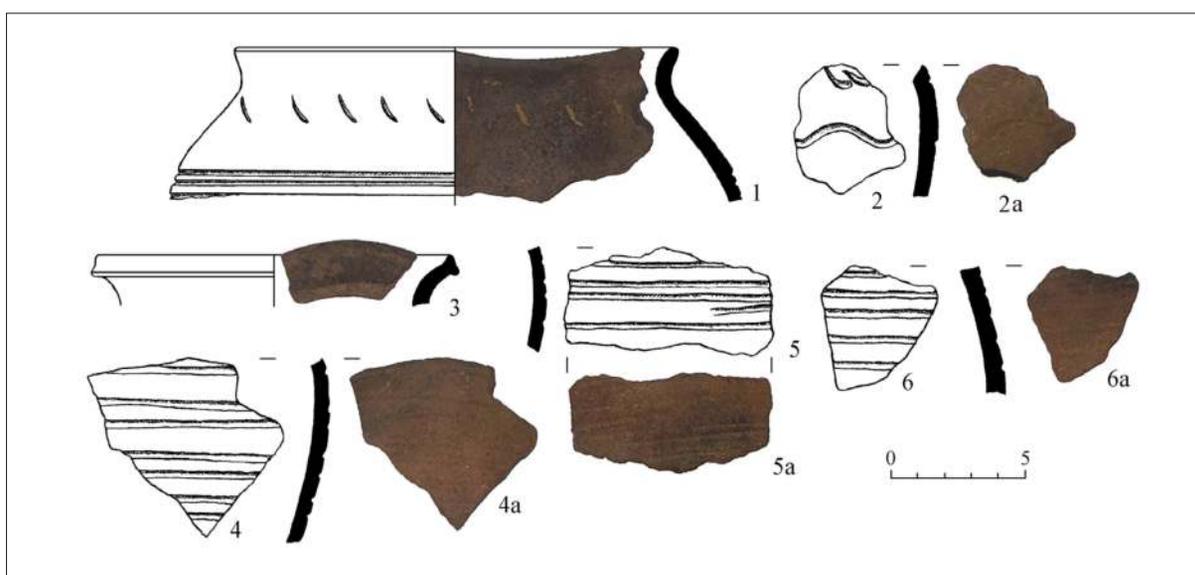
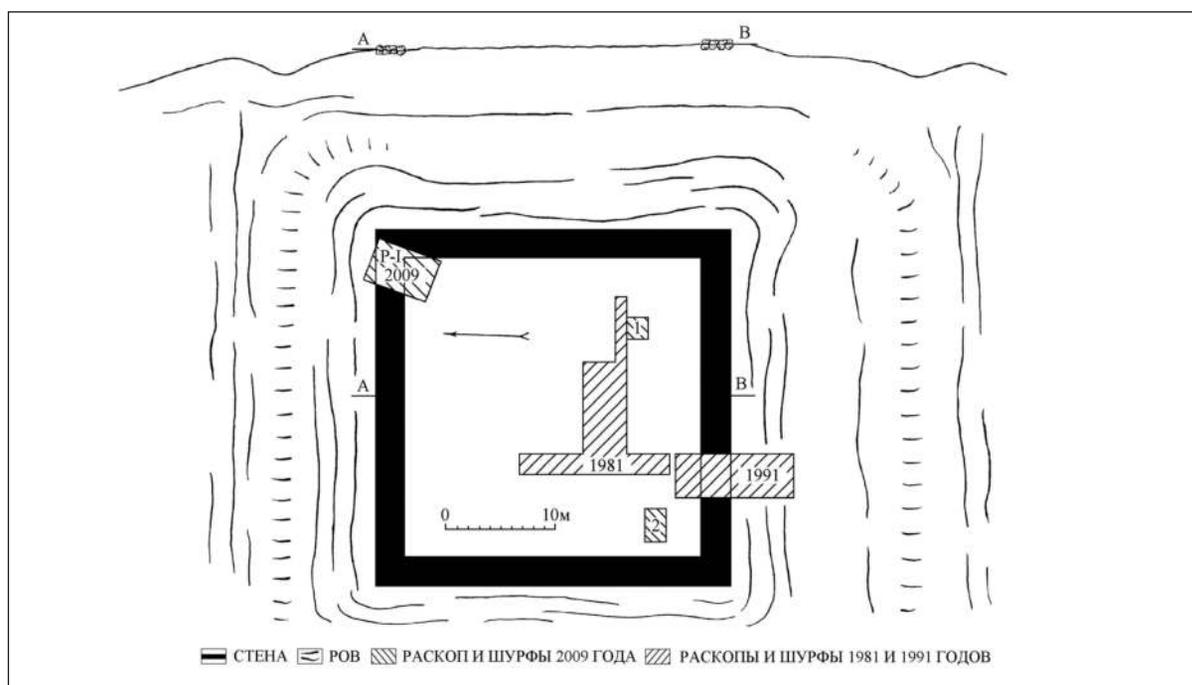
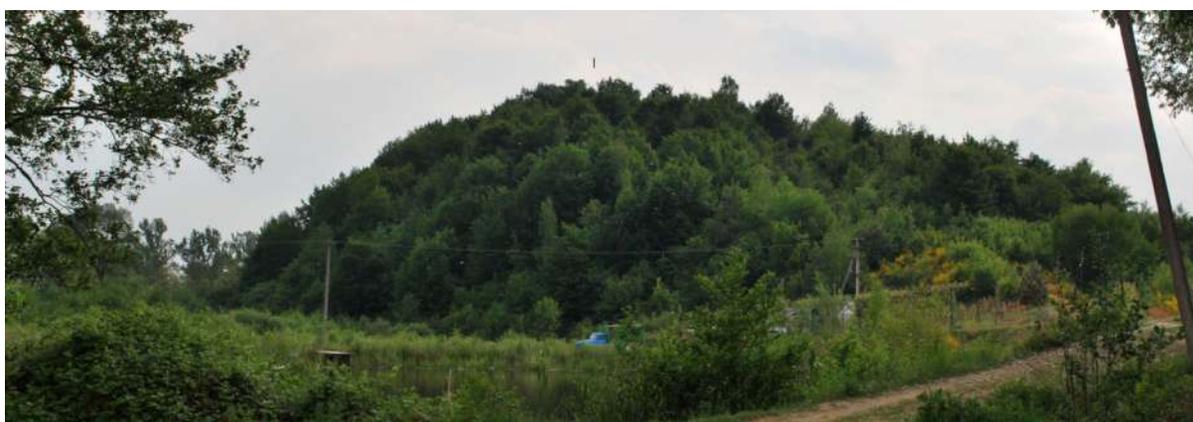

Рис. 4. Сильце. Бодулив. План и инвентарь замка.

ный культурный слой и условность их зачисления в категорию замков. Более того, они существовали непродолжительное время и в последующие периоды как фортификации уже не использовались.

Иная ситуация с замковыми сооружениями края первой половины XIV в. Они стали основой для активных перестроек во времена турецкой опасности, а более конкретно – в конце XV и в начале XVI вв. К этой группе относятся памятники, нашедшие отражение в письменных источниках периода утверждения на венгерском престоле Карла Роберта из династии Анжу (Виноградово, Королёво, Невицкое и Мукачево).

Виноградовский замок Канков находится на северо-восточной окраине г. Виноградово (до 1946 г. – г. Севлюш) у подножия Чёрной горы, противоположный склон которой омывается р. Тисой. Видимые на сегодняшний день укрепления возведены на рубеже XV–XVI вв. Они имеют конфигурацию четырёхугольника (размером 44,5×35 м), с расположенными по периметру жилыми помещениями и с выступающими угловыми бастиями (рис. 5). Внутреннюю часть занимал просторный дворик, в плане прямоугольной формы. Кроме собственно замковых построек, архитектурный ансамбль дополняли часовня и церковь с пристройкой (рис. 5). Между церковью и основным сооружением находился колодец. Весь комплекс строений окружала внешняя каменная стена, которая сейчас прослеживается лишь на отдельных незначительных участках.

В научной литературе история замка рассматривается как непрерывная цепь важных событий с IX по XVI вв. (создание, перестройки, передача из рук в руки, захваты, разрушения, гибель). Однако большинство приведённых фактов не подтверждены данными письменных источников, а отдельные моменты даже противоречат им. Критический подход к документальной базе позволяет установить следующую канву основных связанных с замком событий. Первое письменное упоминание о Севлюше датировано 1280 г. (Ágrádkori 1870, 291). В 1307 г. Карл Роберт подарил городок камерарию Беке Боршо из рода Тамашфи (Anjoukori 1878, 124). Вероятно, вместе с населённым пунктом он получил и разрешение на возведение крепости, каштелян которой впервые фигурирует в источниках 1308 г. (Anjoukori

1878, 138). После того, как братья Борша выступили союзниками Матея Чака против короля, замок штурмовал и вернул во владения короны бережский жупан Томаш Янки (A Perényi 2008, 24–25). Во время штурма система обороны крепости была уничтожена. Городок до 1399 г. принадлежал королеве, но замок ни в одном из документов не фигурирует (Fügedi 1977, 201).

На рубеже XIV–XV вв. король Сигизмунд за верную службу подарил Севлюш секельскому и земплинскому жупану Петру Перени (A Perényi 2008, 206–207). Вместе с дарственной грамотой тот получил и разрешение на возведение укреплений (Zsigmondkori 1951, 6111), но не успел им воспользоваться. Через несколько лет ему была пожалована Нялабская доминия с центром в Королёвском замке, и, соответственно, исчезла необходимость в сооружении ещё одной крепости. На выделенной для строительства укреплений территории около 1505 г. возвели францисканский монастырь (Riskó 2007, 29), патронами которого выступили Перени. Монастырский комплекс функционировал около половины столетия. В 1556 г. воспитанный в реформатской традиции Ференц Перени разогнал монахов и разрушил монастырь (Rupp 1872, 393), который после этих событий уже не отстраивался.

С целью проверки хронологической схемы и определения стратиграфии памятника экспедицией Ужгородского национального университета в полевом сезоне 2007 г. были заложены пять шурфов. Все в разных его частях, общей площадью 29 кв. м. Три из них (площадью 2×3 м) в пределах замковых стен, один (2,0×2,5 м) – в часовне и один (2,0×2,5 м) – на территории церкви (рис. 5) (Прохненко, Гомоляк 2007, 83–94). Доминирующий обнаруженный материал – лепная керамика эпохи поздней бронзы. Средневековые и ранние современные находки датируются XV–XVI вв. Представлены они незначительным количеством обломков горшков, железными гвоздями и фрагментом каменной оконной рамы.

Наиболее важная информация о раннем замковом горизонте получена в часовне, находящейся на расстоянии 30 м в северо-западном направлении от основного сооружения. Её особенность – при незначительной площади фундамент квадратной формы, толщина которого превышает 3,5 м. В ходе исследования прослежена следующая стратиграфическая

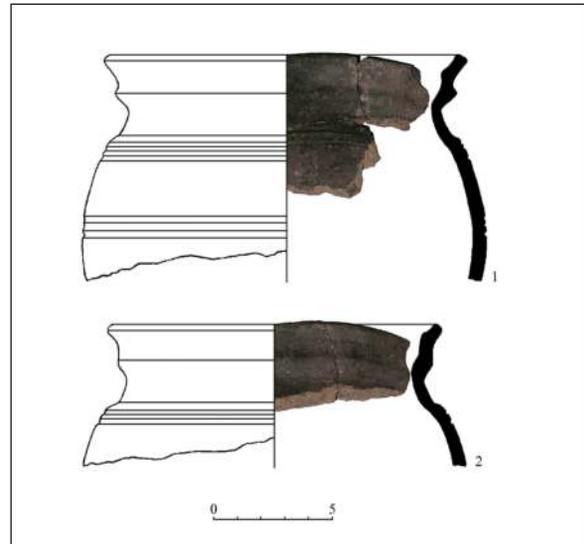
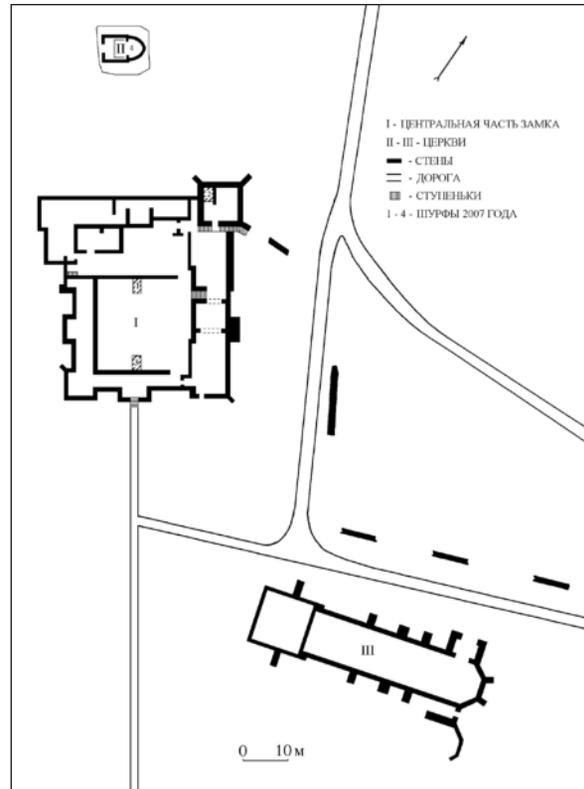
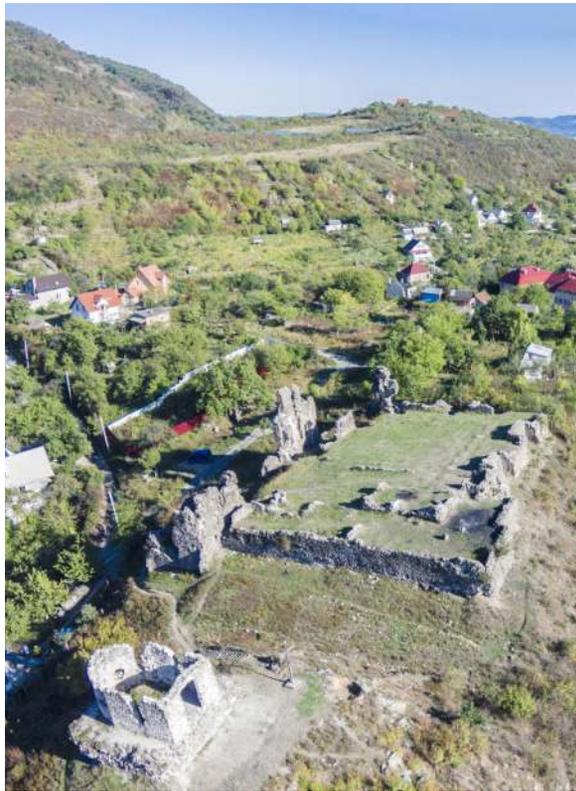

Рис. 5. Виноградово. Замок Канков. План укреплений и керамика раннего горизонта.

ситуация. Верхний слой, в отдельных местах до глубины 1 м, представлен современным перекопом. Ниже него, до 2,9 м, по всей площади шурфа зафиксированы завалы крупных андезитовых камней и штукатурки. Встречались и большие блоки стен, заваленные внутрь постройки. Подстилал завалы слой гумусированной глины с незначительным содержанием керамического материала. Прослежен-

ная ситуация позволила сделать вывод, что часовня возведена на месте частично разрушенной башни, во время разборки стен которой была наполнена камнями её внутренняя часть. В результате перекрыт слой, определяющий время строительства башни. Фрагменты обнаруженных горшков (рис. 5) датируются первой половиной XIV в., что согласуется с информацией письменных источников.

В целом же анализ полученных в 2007 г. материалов стал основанием для установления следующей предварительной стратиграфической картины Виноградовского замка. Изначальное заселение урочища датируется XIV-XII вв. до н.э., и связано оно с носителями культуры Станово. Место расположения памятника на возвышенности позволяет рассматривать его как пункт, естественно защищённый склонами горы. Обнаружить фортификационные сооружения эпохи поздней бронзы на данный момент невозможно из-за разрушений во время строительных работ в период средневековья и раннего нового времени. Возведение изначальной системы каменных укреплений датируется XIV в. Реконструкция фортификационных сооружений осуществлена в XVI в., но отметим, что на исследованных участках средневековые и ранние современные горизонты насыщены слабо.

В 10 км от Виноградовского замка находится Королёвский, имеющий собственное название Нялаб. Он на сегодняшний день является одним из наиболее полно исследованных памятников Закарпатья эпохи позднего средневековья и раннего современного времени. Расположен на северо-западной окраине посёлка Королёво Виноградовского р-на (рис. 6). Высота замковой горы 52 м. С её вершины отлично просматривается долина р. Тисы, протекающей в 300 м от подножья. Как и в случае с Виноградовским замком, весь комплекс видимых сейчас сооружений возник в конце XV – начале XVI вв. Центр крепости площадью 52×47 м, в плане приближённой к овальной форме, находится в северо-западной части верхней террасы горы. Расположенные по периметру жилые помещения окружают небольшой внутренний дворик с колодцем. В 20 м от основного замкового сооружения проходила дополнительная защитная линия с постройкой прямоугольной формы. Основную и вспомогательную системы укреплений связывал мост, построенный на массивной каменной опоре с арочным сводом посередине. Дополнительную линию обороны окружал ров. Для контроля грунтовой дороги – единственного удобного подхода к замку, с северо-восточной окраины урочища, на отдалении от основного архитектурного комплекса возведён бастион клиновидной формы.

Письменные источники свидетельствуют о функционировании крепости на северо-восточной окраине Венгерского королевства с конца XIII - начала XIV вв. до третьей четверти XVII в. Первичное укрепление построено между 1272 и 1315 годами. До возведения крепости около села Фелсас (первое название Королёва) на вершине горы существовала королевская охотничья усадьба (*domus regalis*), которую в последний раз упоминают в 1272 г., а замок появился в источниках с 1315 г. (Hazai 1897, 193). В начале XIV в. Карл Роберт подарил замок королевскому камерарию Беке Боршо (Karácsonyi 1900, 211). После его перехода на сторону Матея Чака, замок захватил и восстанавливал из руин бережский жупан Томаш (A Regényi 2008, 24, 25). В 1378 г. король Людовик, вместе с должностью жупана Угочанщины, передал Нялаб в пользование pro honore молдавскому вельможе Драгу и его братьям. В 1405 г. за заслуги перед королём в борьбе против антикороля Владислава Неапольского Сигизмунд подарил замок Нялаб с доминией Петру Перени, спровоцировав более чем столетнюю судебную тяжбу между родами Драгфи и Перени. С начала XV в. до последней трети XVII в. замок, с небольшими перерывами, оставался во владении баронской ветви рода Перени. Несмотря на то, что его собственники не участвовали в политических заговорах XVI-XVII вв. и всегда оставались лояльными к власти Габсбургов, в Вене было принято решение о разрушении замка, что и было осуществлено в 1672 г.

История крепости Нялаб насыщена событиями, но до недавнего времени на замковой территории и в её ближайшей округе проводились лишь периодические незначительные археологические любительские поиски местными энтузиастами. Часть обнаруженных ими древностей была передана в Венгерский национальный музей (г. Будапешт) в 1859 и 1881 гг. В 80-х гг. прошлого столетия исследования на замковой горе проводили сотрудники Музея Природы (г. Киев), и в начале 90-х гг. – Украинского специального научно-реставрационного института «Укрзападпроектреставрация» (г. Львов). Систематическое археологическое исследование памятника началось с 2007 года. В полевых сезонах 2007, 2011-2019 гг. экспедиция Ужгородского национального университета изучала планировку

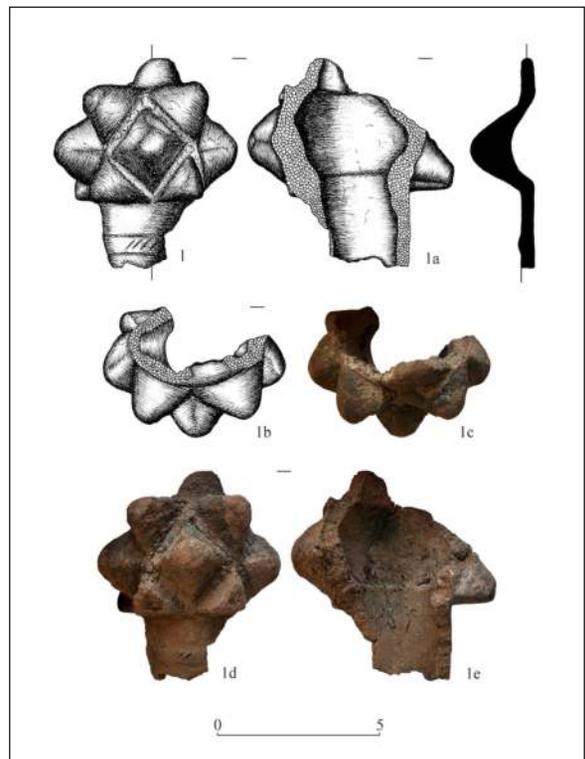
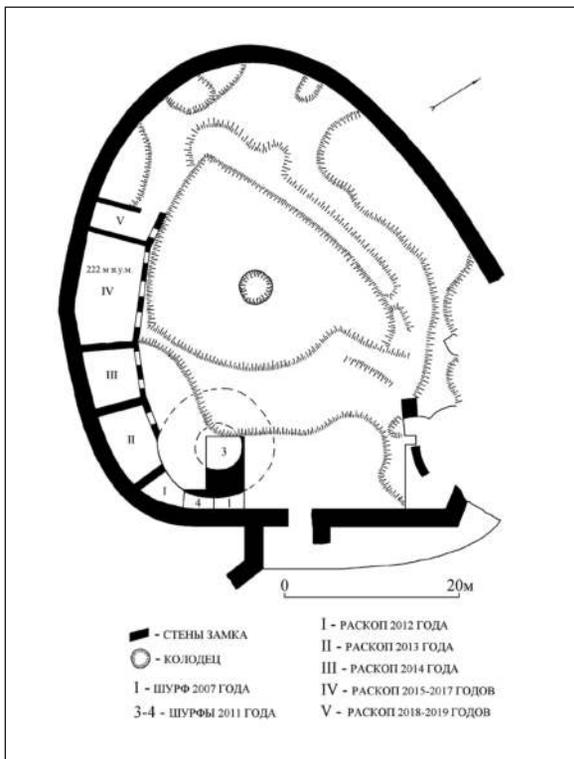

Рис. 6. Королёво. Замок Нялаб. План центральной части укреплений. Обломок булавы.

замка и его стратиграфию. Анализ выявленной коллекции вещевого материала свидетельствует о процессе жизнедеятельности на укрепленном пункте с начала XIV до середины XVII вв. Этот вывод в основном согласуется с информацией письменных источников (Прохненко 2014; Прохненко 2015; Прохненко 2016a; Прохненко 2016b; Прохненко, Гомо-

ляк 2007; Прохненко, Жиленко 2016; Прохненко, Жиленко 2017; Прохненко, Жиленко, Мойжес 2016; Prochnenko, Žilenko 2019; Prohnenko, Mojzsasz, Zsilenko 2012; Prohnenko, Mojzsasz, Zsilenko 2013; Prohnenko, Zsilenko 2015; Prohnenko, Zsilenko 2019; Prohnenko, Zhylenko, Moizhes 2016). При этом необходимо отметить, что горизонт XIV в. полностью

уничтожен активными перестройками XV-XVI вв. Единственной находкой этого хронологического отрезка выступает обломок булавы. Изделие бронзовое, повреждённое, деформированное (рис. 6). Оно наиболее подобно булавам, относящимся к типу IV по классификации А. Кирпичникова. У них 4 больших центральных шипа и 8 меньших боковых (верхний и нижний ярусы). Пространство между шипами обычно заполнялось 2-3-рядными рифлёными поперёк валиками с гороховидными выпуклостями. Однако булава с Королёвского замка имеет ряд отличий. Во-первых, у неё просматривается орнаментированная втулка (сверху и снизу). В период использования, учитывая аналогичные экземпляры, она была более длинной снизу и короткой сверху. Во-вторых, пространство между шипами не заполнено «рифлёными поперёк валиками с гороховидными выпуклостями». В-третьих, верхний, центральный и нижний ярусы фактически совпадают по своим размерам (но центральный ряд имеет более массивные шипы). Фактическое совпадение размеров шипов, очевидно, было связано с использованием экземпляра в боевых действиях.

Необходимо отметить, что, исходя из состояния изделия, его прямые аналогии найти затруднительно. Похожие булавы были обнаружены на Невицком замке и в Тустани (Украина), на территории Паннонской равнины, в Трансильвании, на городище Пржеровец в Чехии, где они датируются второй половиной XIII – первой половиной XIV в. (Michalak 2011, 173-200; Плавинский 2015, 277-282). Все приведённые аналогии снабжены длинной нижней и короткой верхней втулками. У отдельных экземпляров с территории Европы присутствовало по 5 массивных четырёхгранных шипов центрального яруса и по 5 меньших трёхгранных шипов верхнего и нижнего ярусов. Исследователи датируют булавы подобного типа в широком хронологическом диапазоне XIII-XV вв., и считается, что такое оружие было характерным для Венгрии и Карпато-Балканского региона (Michalak 2011, 173-200; Плавинский 2015, 277-282). Также отметим, что традиция изготовления булав с втулками поздняя. Все экземпляры демонстрировали тенденцию к увеличению массивности верхней и верхней части втулки, повышавшую боевые показатели поражения противника

и создававшую максимально эффективное ударно-дробящее оружие. Именно это свидетельствует о поздней датировке булавы с Королёвского замка. Таким образом, данный экземпляр в широких хронологических рамках можно датировать XIII-XV веками, а более узко, учитывая конструктивно-морфологические параметры и аналогии, – XIV веком.

Ещё один замок, функционирование которого в письменных источниках фиксируется с начала XIV в., находится возле населённых пунктов Камяница и Невицкое Ужгородского р-на, в двенадцати километрах на север от областного центра (рис. 7/1). Современный вид он получил, как и Виноградский с Королёвским, на рубеже XV-XVI вв. С северной стороны у подножия горы протекает небольшой горный ручей Вайда, а с западного – р. Уж. Центральный замковый дворик (35×12 м) площадью около 400 кв. м окружён двухэтажным дворцом с доминирующей четырёхэтажной центральной башней и мощным треугольным в плане укреплением с наиболее уязвимой восточной стороны. Дворец состоял из 31 помещения общей площадью около 1000 кв. м. Со стороны гор замковые постройки были ограничены земляным валом и глубоким, выбитым в скале рвом. Возле них возведена внешняя замковая стена с четырьмя башнями. С юго-запада основные постройки параллельными защитными стенами соединены с въездной башней-барбаканом шестиугольной формы. Площадь всех замковых помещений, вместе с галереей, составляла около 1500 кв. м. С восточной стороны функционировала и третья линия обороны, в которую входили валы и деревянно-глинобитные конструкции. В плане валы замыкали пространство трапециевидной формы. Между второй и третьей защитными линиями функционировал небольшой посад (0,7 га) (Дзембас, Кобаль 2005, 30-31).

История укреплений начинается с рубежа XIII-XIV вв. В 1279 г. венгерский король Ласло IV (1274-1290 гг.) передал все владения комитата Унг трансильванскому воеводе Финти из рода Аба. По мнению А.В. Дзембаса и Й.В. Кобаля, после его смерти владельцем Ужанщины и Невицкого замка стал его брат Амадей. Они же указывают, что когда на Венгерский престол в 1290 г. сел последний представитель династии Арпадовичей Андраш III (1290-1301 гг.), он

подтвердил дарственную грамоту своего предшественника на Невицкий замок Амадею Аба (Дзембас, Кобаль 2005, 24). К сожалению, конкретные грамоты, подтверждающие эти события, не известны. Но в архивах вообще очень мало средневековых разрешений. До 1320-х гг., по пессимистическому мнению Пала Энгела, их сохранилось всего 1-2% (Engel 1987/2007, 17). Э. Фюгеди считает, что существует много замков, построенных в период 1242-1270 гг., но разрешения на возведение укреплений известны всего в нескольких случаях. К тому же дошедшие до нашего времени настолько лаконичны, что создаётся впечатление, что иногда для строительства достаточно было устного согласия или поручения правителя (Fügedi 1975, 67-68). Кроме этого, в отдельных случаях необходимо учитывать и специальное уничтожение документов. Ведь по «технологии» захвата укреплений агрессор старался уничтожить все доказательства прав собственности предыдущих владельцев (Fügedi 1977, 26). Закарпатские исследователи считают, что Амадей Аба владел Невицким замком до самой смерти в 1311 г., когда погиб от рук кошицких мечан. А сыновья Амадея – Янош, Микловш, Давид и Ласло начали борьбу с кошичанами, на сторону которых стал сам король Карл Роберт. В битве под Розгонем летом 1312 г. представители старого дворянства потерпели поражение, а двое из рода Аба – Давид и Микловш – погибли. Янош и Ласло продолжили борьбу. Только в конце года был заключён мирный договор, по условиям которого Аба сохранили за собой Ужанский комитат с Невицким замком. После этого они почти пять лет были верными королю и участвовали в его походах против других магнатов. Но в 1317 г. Аба снова выступили против Карла Роберта. В ноябре 1317 г. его войска во главе с Акошем Микчей после тяжёлого штурма захватили Невицкий замок. Об этих событиях речь идёт в одной из грамот 1322 г., где впервые упоминается название Невицкое (Neuichke) (Дзембас, Кобаль 2005, 26). Новая эпоха в истории замка началась в 1328 г., когда венгерский король передал его вместе с Ужанским комитатом сначала во временное, а с 1332 г. – в постоянное владение одному из своих итальянских сторонников – Иоанну Другету. С этого времени до середины XVII в. на Ужанщине продолжалась гегемония Другетов (Дзембас, Кобаль 2005, 27).

1

2

3

Рис. 7. 1 - Невицкий замок; 2 - Мукачевский замок Паланок; 3 - Хустский замок.

После смерти Иоанна Другета (1332 г.) крепость в Невицком перешла в руки его старшего сына Вильгельма, не имевшего наследников. Поэтому после его смерти, согласно с существующими правилами, ужанские владения должны были вернуться короне. Но венгерский король решил отметить за особые заслуги род Другетов, и в 1343 г. он передал Ужанщину с центром в Невицком братьям Вильгельма – Иоанну и Николаю. В 1355 г.

Иоанн Другет умер, и род разделился на две ветви – горянскую, которой принадлежал и Невицкий замок, и гуменянскую. Первая из них после смерти Ласло Другета в 1398 г. завершила своё существование, и вся собственность перешла к гуменянской ветви.

С приходом к власти в Венгрии Сигизмунда Люксембургского (1387-1437 гг.) влияние Другетов существенно снизилось, и в 1403 г. они были среди восставших против королевской власти. После поражения восстания они еле смогли сохранить свои владения на Ужанщине. С 1440 г., после начала в Венгрии гражданской войны, они опять увеличили своё влияние. Постоянные военные столкновения заставили Другетов перестроить и значительно укрепить Невицкий замок. Несмотря на это, он не стал неприступной твердыней и часто переходил из рук в руки. Так, например, в 80-х гг. XVI в. королевские войска выбили из замка Гашпара Другета и помогли завладеть укреплениями Дёрдю II Другету. В 1591 г. новый владелец умер, и его вдова Ефрозина Доци начала судовую тяжбу с Гашпаром и Иштваном Другетами. В 1600 г. она проживала в Невицком замке со своими детьми Марией и Дёрдем. Ещё один родственник, Балинт Другет, со своим войском осадил замок и после длительной осады захватил его. Ефрозина Доци с детьми убежала в Польшу, а немного погодя, в 1602 г., её сын смог завладеть замком. В 1619 г. укрепления захватил трансильванский воевода Габор Бетлен. После его смерти в 1629 г. Другеты ненадолго вернули себе Ужанские владения. В 1644 г. Дёрдь Ракоци, выступивший против австрийского правителя, атаковал владения его сторонников Другетов, захватил Невицкий замок и приказал разрушить стены (Дзембас, Кобаль 2005, 34).

Археологические исследования памятника начались ещё в 90-х гг. XX в. (экспедиция во главе с А.В. Дзембасом). Они подтвердили информацию письменных источников о функционировании замка с начала XIV до середины XVII вв. Были получены значительные коллекции массового керамического материала (посуда, кафель) и индивидуальных находок (украшения и принадлежности одежды, инструментарий, бытовые вещи, предметы вооружения, монеты). В ходе работ изучена доминирующая площадь внутреннего двора, помещения вокруг него и внеш-

ние системы обороны. Однако в публикациях до сих пор отсутствуют анализы наиболее ранних комплексов. А именно они выступают основными в решении вопроса, существовали ли определённые оборонительные сооружения на замковой горе в конце XIII в., либо же памятник по принятой в историографии традиции необходимо датировать на основании первого упоминания в письменных источниках – началом XIV в.

Ещё один замок этой хронологической группы – Мукачевский (рис. 7/2). Он перенял функции уничтоженного во время монголо-татарского нашествия укрепления Боржава. Вероятно, построен не ранее второй половины XIII в., а скорее всего, уже в самом начале XIV в. В датированном 1263 г. документе фигурирует только городок (Ágrádkori 1870, 68; Fügedi 1977, 168). Мукачевскую королевскую доминию в это время получила дочка короля Бела IV, Констанция, жена галицкого князя Льва Даниловича (с 1252 г.).

Укрепления возведены в стратегическом месте, где дорога разделялась, одна ветка направлялась к Берегову, другая к Броньке. Первое достоверное упоминание Мукачевского замка датировано 1311 г., когда незаконно захваченный королевский замок представители семьи Амадея Аба вернули правителю. Первым каштеляном, фигурирующим в средневековых грамотах 1321 г., стал магистр Томаш, сторонник Карла Роберта, бережский и угочанский жупан (A Perényi 2008, DL 56 547). После 1311 г. замок вместе с доминией перешёл в руки Анжу, длительное время им владела жена Карла Роберта, Елизавета, а позже – Людовик I и королева Мария.

В 1397 г. король Сигизмунд предоставил убежище и подарил укрепления вместе с доминией подольскому князю в изгнании, Фёдору Корятювичу. Вероятно, именно в этот период защитные постройки трансформировались в типичный европейский рыцарский замок. После смерти князя в 1414 г. сооружением определённое время управляла его жена Ольга (с её именем связано основание мукачевского женского монастыря) и племянник Василий, а через 4 года оно было возвращено в королевские владения (Історія 1998, 47-48).

Как видим, на сегодняшний день к категории замков Закарпаття начала XIV в. достоверно

относятся четыре: Виноградовский, Королёвский, Невицкий и Мукачевский. Все они были кардинально перестроены, преимущественно на рубеже XV-XVI вв., что привело к почти полному уничтожению более ранних культурных горизонтов.

Дополнительные исследования необходимы, чтобы проверить принадлежность к данной категории укреплений Хустского замка. Э. Фюгеда считает, что он построен после восстановления палатина Копоса, то есть после 1318 г. Он же подчеркнул стратегическое значение защитных сооружений возле места впадения р. Рики в р. Тису. Возведённый в XIV в. сравнительно небольшой Хустский замок в результате периодических масштабных перестроек к XVI-XVII вв. превратился в значительный по размерам сложный комплекс защитных, жилых и хозяйственных сооружений. Планировку укреплений определило плато на вершине горы, вытянутое по линии север-юг. Фортификации разделены на верхнюю и нижнюю террасы. Нижний двор в свою очередь тоже состоял из двух отдельных частей. Во время завершения функционирования замка в его защитные линии были вписаны шесть бастионов и четыре башни (рис. 7/3).

Крепость, как и сам город Хуст, основана в период отстройки Венгерского королевства после монголо-татарского нашествия. С замковой горы отлично контролировалась долина р. Тисы, и поэтому укрепления функционально заменили вышковскую дозорную площадку Варгедь (необходимость её содержания была утрачена и она перестала функционировать). Хустский замок должен был защищать расположенные рядом сёла Мараморошского комитата и соляной путь, приносящий в королевскую казну ощутимые прибыли. Первое письменное свидетельство о замке датировано 1353 г. В документе упоминается каштелян Домокош Мачка, командовавший в это время и Нялабским замком. В 1365 г. король Сигизмунд подарил мараморошские земли молдавским вельможам Балку и Драгу, но замком они владели недолго. Сигизмунд передал крепость своему канцлеру Имре Перени (требишовская ветвь), что стало одной из причин многолетней вражды между двумя родами.

В полевом сезоне 2019 г. на территории Хустского замка исследования проводились экспедицией Ужгородского национального уни-

верситета. Установлено, что во время активных перестроек и жизнедеятельности в конце XV-XVI вв. более ранние горизонты были уничтожены. Это заставляет при датировке начальных укреплений оперировать только наиболее ранней упомянутой письменными источниками датой – 1353 г. Её изменение на более раннюю возможно лишь с учётом конкретизации хронологии нижних горизонтов. Для этого необходимо продолжение широкомасштабных археологических раскопок в разных частях памятника.

По полученным материалам на сегодняшний день можем констатировать не очень активный процесс возведения каменных укреплений на северо-востоке Карпато-Дунайского ареала в XIII-XIV вв. Это объясняется спецификой и периферийным положением региона с незначительным количеством населения и сравнительно небогатой местной аристократией. К этим первым двум хронологическим группам на землях Закарпатья надёжно относятся всего 7 пунктов, три из которых к категории замков причислены довольно условно. И вообще, как правило, в то время из-за отсутствия обусловленной необходимости защитная функция этих сооружений не была основной, а на первые позиции, без сомнения, выходили репрезентативная и дозорная. Это подтверждается и тем фактом, что для данных местонахождений характерны незначительная занятая оборонительными сооружениями площадь и слабо насыщенный культурный слой. Пункты первой хронологической группы (XIII в.) завершили своё существование на рубеже XIII-XIV вв. и позже как фортификации больше не использовались. В отличие от них, замковые комплексы первой половины XIV в. стали основой для формирования системы защитных сооружений Северо-Восточной Венгрии конца XV - начала XVI вв. Соответственно, это привело к тому, что в результате кардинальной перестройки ранние культурные горизонты этих памятников уничтожены почти полностью.

Учитывая тот факт, что информационная база письменных источников уже разобрана в достаточном объёме, в будущем получение дополнительных свидетельств о замках Закарпатья второй половины XIII и первой половины XIV вв. возможно только за счёт проведения новых археологических исследований.

Библиография

- Дзембас, Кобаль 2005:** О.В. Дзембас, Й.В. Кобаль, Невицький замок (Ужгород 2005).
- Історія 1998:** Історія Мукачева. Т. I. Ред. Г.В. Павленко (Ужгород 1998).
- Плавинский 2015:** Н.А. Плавинский, Средневековая булава из собрания национального исторического музея Республики Беларусь. Археологические вести 21, 2015, 277-282.
- Прохненко 2014:** І.А. Прохненко, Королівський замок Нялаб. В: Збірник матеріалів “Археологія & Фортифікація України”. IV Всеукраїнська науково-практична конференція Кам’янець-Подільського державного історичного музею-заповідника, приурочена 180-й річниці від дня народження Володимира Боніфатійовича Антоновича (1834-1908), вип. 4 (Кам’янець-Подільський 2014), 234-243.
- Прохненко 2015:** І.А. Прохненко, Кахляна піч 4 Королівського замку Нялаб. В: Збірник матеріалів, Археологія & Фортифікація України. V Всеукраїнська науково-практична конференція, приурочена 125-й річниці заснування Кам’янець-Подільського державного історичного музею-заповідника, вип. 5 (Кам’янець-Подільський 2015), 117-124.
- Прохненко 2016a:** І.А. Прохненко, Кімната №3 Королівського замку Нялаб. В: Збірник матеріалів, Археологія & Фортифікація України. VI Міжнародна науково-практична конференція Кам’янець-Подільського державного історичного музею-заповідника, присвячена 150-й річниці від дня народження Михайла Сергійовича Грушевського (1866-1934), вип. 6 (Кам’янець-Подільський 2016), 150-156.
- Прохненко 2016b:** І.А. Прохненко, Дослідження Королівського замку Нялаб. В сб.: Археологічні дослідження в Україні 2015 (Київ 2016), 38-41.
- Прохненко, Гомоляк 2007:** І.А. Прохненко, О.М. Гомоляк, Дослідження Виноградівського та Королівського замків у 2007 році. В сб.: Relații româno-ucrainene. Istorie și contemporaneitate. Румунсько-українські відносини. Історія та сучасність (Cluj-Napoca-Satu Mare 2007), 83-94.
- Прохненко, Гомоляк 2009:** І.А. Прохненко, О.М. Гомоляк, До історії замків Закарпаття. В: Військово-історичний альманах, 1(18) (Київ 2009), 71-97.
- Прохненко, Гомоляк, Зомбор 2010:** І.А. Прохненко, О.М. Гомоляк, І.Т. Зомбор, Дослідження замків Закарпаття у 2009 р. В сб.: Археологічні дослідження в Україні 2009 (Київ-Луцьк 2010), 346-348.
- Прохненко, Гомоляк, Мойжес 2008:** І.А. Прохненко, Е.М. Гомоляк, В.В. Мойжес, Результати дослідження Броньковського замка. В: Carpatica-Carpatika, вип. 37 (Ужгород 2008), 139-148.
- Прохненко, Жиленко 2016:** І.А. Прохненко, М.А. Жиленко, Королівський замок Нялаб во владении потомков молдавского воеводы Саса. Тураgetia s.n. X/2, 2016, 53-66.
- Прохненко, Жиленко 2017:** І.А. Прохненко, М.А. Жиленко, Монети Королівського замку Нялаб. В сб.: Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея, III (Одесса 2017), 141-156.
- Прохненко, Жиленко, Мойжес 2016:** І.А. Прохненко, М.А. Жиленко, В.В. Мойжес, Королівський замок Нялаб. В сб.: Вісник Інституту археології, вип. 11 (Львів 2016), 123-154.
- Anjoukori 1878:** Anjoukori okmánytár. Codex diplomaticus Hungaricus Andegavensis. I (1301-1321). Szerk. I. Nagy (Budapest 1878).
- A Perényi 2008:** A Perényi család levéltára 1222-1526. Szerk. I. Tringli (Budapest 2008).
- Árpádkori 1870:** Árpádkori új okmánytár. Codex diplomaticus Arpadianus continuatus. 1261-1272. VIII. Szerk. G. Wenzel (Pest 1870).
- Codex 1829:** Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. III/2. Szerk. G. Fejér (Budae 1829).
- Csukovits 2012:** E. Csukovits, Az anjouk Magyarországon. I rész. I. Károly és uralkodása (1301-1342) (Budapest 2012).
- Engel 1981:** P. Engel, A honor (A magyarországi feudális birtokformák kérdéséhez). Történelmi szemle, 24 évf., 1 szám., 1981, 1-19.
- Engel 1987:** P. Engel, Töprengések az Árpád-kori sánccvárok problematikájáról. Műemlékvédelem 31, 1987, 9-14.
- Engel 2007:** P. Engel, Töprengések az Árpád-kori sánccvárok problematikájáról. Castrum 6, 2007, 11-18.
- Feld 2014:** I. Feld, A magánvárok építésének kezdetei a középkori Magyarországon a régészeti források tükrében. Századok 148/2, 2014, 351-386.
- Feld 2017:** I. Feld, Várok és erődítmények a középkori Magyarországon. In: Magyarország hadtörténete I. A kezdetektől 1526-ig (Budapest 2017), 367-400.
- Fügedi 1975:** E. Fügedi, Középkori várak – középkori társadalom. In: Várépítészetünk (Budapest 1975), 63-86.
- Fügedi 1977:** E. Fügedi, Vár és társadalom a 13-14 századi Magyarországon (Budapest 1977).
- Györffy 1987:** Gy. Györffy, Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza. I, 3. kiadás (Budapest 1987).
- Hazai 1897:** Hazai oklevéltár 1234-1536. Szerk. I. Nagy, F. Deák, Gy. Nagy (Budapest 1897).
- Horváth 2009:** R. Horváth, Várok és uraik a késő középkori Magyarországon. In: (Eds. T. Neumann, Gy. Rácz) Vázlat a kutatás néhány lehetőségéről. Honoris causa. Tanulmányok Engel Pál tiszteletére (Budapest 2009), 63-104.

- Horváth 2011:** R. Horváth, Várépítés engedélyezése az Árpád-kori Magyarországon. In: Várak nyomában. Tanulmányok a 60 éves Feld István tiszteletére (Budapest 2011), 79-93.
- Karácsonyi 1900:** J. Karácsonyi, A magyar nemzetségek a XIV század közepéig. I köt. (Budapest 1900).
- Kristó 1986:** Gy. Kristó, Az Árpád-kor háborúi (Budapest 1986).
- Lehoczky 1996:** T. Lehoczky, Bereg vármegye (Budapest-Bergszász 1996).
- Michalak 2011:** A. Michalak, A 14th century Hungarian knobbed mace head from the Biryw Mountain in Podzamcze in the Polish Jura Chain. In: (Eds. P. Kocypera, P. Pudło) Cum Arma per Aeva. Uzbroyenie indywidualne na przestreni dziejyw (Toruń 2011), 173-200.
- Prochnenko, Žilenko 2019:** I. Prochnenko, M. Žilenko, Jezuitská sviatostka z korolevského hradu Ňaláb. Numizmatika. In: Časopis Slovenskej numizmatickej spoločnosti pri SAV, 28 (Bratislava 2019), 27-30.
- Prohnenko, Mojzsesz, Zsilenko 2012:** I. Prohnenko, V. Mojzsesz, M. Zsilenko, A királyháza vár csempekályhája. In: A nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve, LIV (Nyíregyháza 2012), 241-285.
- Prohnenko, Mojzsesz, Zsilenko 2013:** I. Prohnenko, V. Mojzsesz, M. Zsilenko, Kárpátalja középkori és kora újkori várainak kutatása. In: A nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve, LV (Nyíregyháza 2013), 203-250.
- Prohnenko, Zsilenko 2015:** I. Prohnenko, M. Zsilenko, A királyháza Nyaláb vár. In: Várak kastélyok templomok. Évkönyv 2015 (Kökény 2015), 68-71.
- Prohnenko, Zsilenko 2016:** I. Prohnenko, M. Zsilenko, Baranka vára. In: Várak kastélyok templomok. Évkönyv 2016 (Kökény 2016), 77-79.
- Prohnenko, Zsilenko 2019:** I. Prohnenko, M. Zsilenko, Újabb kutatások a királyházi Nyalábvárban (Koroljevo, Ukrajna). A 3. helyiség feltárása. Archaeologiai Értesítő 144, 2019, 137-167.
- Prohnenko, Zhylenko, Moizhes 2016:** I. Prohnenko, M. Zhylenko, V. Moizhes, Korolevo castle of Nyaláb. Archaeologia historica 41/1, 2016, 273-299.
- Riskó 2007:** M. Riskó, Ferencesek Nagyszőlősen (Budapest 2007).
- Rupp 1872:** J. Rupp, Magyarország helyrajzi története fő tekintettel az egyházi intézetekre, II kötet (Pest 1872).
- Szende 2013:** K. Szende, Az ispánsági vártól a városig: miért, hogyan - vagy miért nem? In: Kő kövön. Dávid Feren 73. születésnapjára. I kötet, 2013, 127-142.
- Tolnai 2007:** G. Tolnai, Erősségek a tatárjárás korában. A tatárjárás 1241-1242. Katalógus. Szerk. Á. Ritoók, É. Garam (Budapest 2007), 1-24.
- Tringli 2009:** I. Tringli, Megyék a középkori Magyarországon. „Honoris causa.” Tanulmányok Engel Pál emlékére. (MTA TTI Társadalom- és művelődéstörténetitanulmányok 40. - Analecta Mediaevalia III) (Budapest-Piliscsaba 2009), 487-518.
- Zsigmondkori 1951:** Zsigmondkori oklevéltár I (1387-1399). Szerk. E. Mályusz (Budapest 1951).

Castelele Transcarpatiei din a doua jumătate a sec. XIII - prima jumătate a sec. XIV

Cuvinte-cheie: Ungaria de Nord-Est, Transcarpatia, așezări fortificate, castele, fortificații, turnuri, ziduri de piatră, Evul Mediu

Rezumat: În istoria Regatului Ungariei se relevă patru etape consecutive în funcționarea castelilor. Pentru secolele XII-XIII este caracteristic sistemul de comitate regale având la bază fortificații ale jupanilor. Din sec. XIII au apărut castele ale aristocraților, modeste ca suprafață, care, în timpul domniei ultimilor Arpadovici, au devenit un mecanism important de influență a anumitor clanuri oligarhice. După stabilirea pe tronul Ungariei a reprezentantului dinastiei Anjou, castelele au început să întrușeze puterea monarhului și funcționau preponderent ca centre ale domeniilor regale. În Evul Mediu târziu, ele au trecut treptat în mâinile noii aristocrații și deseori se transformau în noi complexe și reședințe. Primele fortificații de tip nou se ridicau ca rezultat al politicii de construire a castelilor și de colonizare, promovate de Bela IV. Pământurile nepopulate erau împărțite micilor dvoreni și aici erau invitați coloniști germani.

Pe teritoriul regiunii Transcarpatia a Ucrainei se evidențiază trei etape fundamentale în construcția de castele în perioada Evului Mediu târziu și a epocii moderne timpurii. Primele două din ele reprezintă fortificații din a doua jumătate a sec. XIII și prima jumătate a sec. XIV. Pentru aceste edificii este caracteristică o suprafață nesemnificativă ocupată cu fortificații și un strat de cultură slab prezentat. Aceste particularități ne permit a vorbi despre dominarea funcțiilor lor de observare și reprezentativă. Punctele din primul grup cronologic (sec. XIII) și-au încetat existența la cumpăna secolelor XIII-XIV și ulterior nu au mai fost folosite ca fortificații. Spre deosebire de ele, complexe de castele din prima jumătate a sec. XIV au devenit baza formării sistemului de construcții defensive din Ungaria de Nord-Est de la finele sec. XV - începutul sec. XVI. În rezultatul unei restructurări cardinale, orizonturile lor culturale timpurii au fost distruse, practic, în întregime.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Harta localizării castelelor, a posturilor de pază și palatelor pe teritoriul regiunii Transcarpatia a Ucrainei: 1 - Bronka; 2 - Vynohradiv; 3 - Dovhe; 4 - Esen; 5 - Kvasovo; 6 - Korolevo; 7 - Mukachevo; 8 - Nevytske; 9 - Seredne; 10 - Siltse; 11 - Uzhhorod; 12 - Horiany; 13 - Khust; 14 - Chynadievo; 15 - Vyshkovo.

Fig. 2. Bronka. Țarskaia Gora. Planul și inventarul castelului.

Fig. 3. Vyshkovo. Varghed. Planul fortificației. Ceramică.

Fig. 4. Siltse. Boduliv. Planul și inventarul castelului.

Fig. 5. Vynohradiv. Castelul Kankov. Planul fortificațiilor și ceramica din orizontul timpuriu.

Fig. 6. Korolevo. Castelul Nealab. Planul părții centrale a fortificațiilor. O bucată de buzdugan.

Fig. 7. 1 - Castelul Nevytske; 2 - castelul Palanok din Mukachevo; 3 - castelul Hust.

The castles of Transcarpathia of the second half of 13th - first half of 14th centuries

Keywords: North-Eastern Hungary, Transcarpathia, fortified settlements, castles, fortifications, towers, stone walls, the Middle Ages.

Abstract: Four successive stages can be identified in the history of functioning of the castles of Hungarian Kingdom. A system of the royal counties, with the ispans' (counts') fortifications in their core, was distinctive for 12-13th centuries. Small, newly built noble castles appeared here since 13th centuries. During the Arpads they turned into important tools of influence in the hands of certain oligarchic clans. When House of Anjou strengthened its grasp on Hungarian throne, the castles became an expression of political power of monarch and functioned mainly as the centers of royal domains. During the Late Middle Ages they were gradually taken over by new nobility and often transformed into well-developed complexes, residencies.

The first fortifications of the new type were built in the region, unpopulated areas were granted to minor nobility, and German settlers were invited in a wake of Bela IV centralized policy of colonization and castles construction. There were three main stages of the Late Middle Ages and Early Modern Period castle architecture on the territory of Zakarpatska oblast of Ukraine. Two of them are presented by the fortifications of second half of 13th and the first half of 14th centuries. Typically just a small part of these sites was occupied by fortifications. Usually they had a thin cultural layer. These features argues for their predominantly watch and representation functions. The sites of the first chronological group (13th century) stopped to exist at the edge of 13th-14th centuries and they never used as fortifications again. By contrast, the castle complexes of the first half of 14th century formed the basis for a system of fortifications in North-Eastern Hungary of the end of 14th - beginning of 16th centuries. However their early cultural layers were almost completely destroyed in a wake of radical re-building.

List of illustrations:

Fig. 1. Map of castles, outposts, and palaces in Zakarpatska oblast of Ukraine. 1 - Bronka; 2 - Vynohradiv; 3 - Dovhe; 4 - Esen; 5 - Kvasovo; 6 - Korolevo; 7 - Mukachevo; 8 - Nevytske; 9 - Seredne; 10 - Siltse; 11 - Uzhhorod; 12 - Horiany; 13 - Khust; 14 - Chynadievo; 15 - Vyshkovo.

Fig. 2. Bronka. Tsarska Hora (Royal Hill). Plan and inventory.

Fig. 3. Vyshkovo. Várhegy. Plan of fortifications. Ceramics.

Fig. 4. Siltse. Boduliv (Bodoló vár). Plan and inventory of the castle.

Fig. 5. Vynohradiv. The castle of Kankiv (Kankó-vár). Plan of fortifications and ceramics of early horizon.

Fig. 6. Korolevo. The castle of Nyaláb (Nyalábvár). Plan of the central part of fortification. Fragment of mace.

Fig. 7. 1 - The castle of Nevytske; 2 - Palanok castle of Mukachevo; 3 - the castle of Khust.

30.04.2021

Д-р Игорь Прохненко, Ужгородский национальный университет, пл. Народная, 3, 88000 Ужгород, Украина, <https://orcid.org/0000-0002-9100-3914>, e-mail: prohnenkoigor@ukr.net

Мария Жиленко, Ужгородский национальный университет, пл. Народная, 3, 88000 Ужгород, Украина, <https://orcid.org/0000-0003-0262-8232>, e-mail: arhlabunu@ukr.net

Виталий Калиниченко, Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича, ул. Коцюбинского, 2, 58012 Черновцы, Украина, <https://orcid.org/0000-0002-0808-1613>, e-mail: v.kalinichenko@chnu.edu.ua